

УДК 82.0:82–1

О ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР В СТИХАХ АРСЕНИЯ ТАРКОВСКОГО

А.Ю. Шабалин

Рассматривается тема диалога культур в поэтическом творчестве Арсения Тарковского.

Ключевые слова: диалог культур; стихотворение; поэзия; Арсений Тарковский.

CULTURE DIALOGUE IN THE POETRY OF ARSENY TARKOVSKY

A.Yu. Shabalin

The article analyzes the problem of culture dialogue in the poetry of Arseny Tarkovsky.

Key words: culture dialogue; poem; poetry; Arseny Tarkovsky.

Как только стихи Арсения Тарковского начинают выходить в свет, он практически сразу признается всеми как один из сильнейших поэтов своего времени. Его поэтическая слава во многом зиждется на его переводческом труде, благодаря которому сотни тысяч советских читателей смогли познакомиться с поэзией восточных авторов. Получается, что Тарковский наряду с другими советскими переводчиками становится мостом между культурами.

Поэзия самого Тарковского также диалогична, и это не только проявляется в поэтической форме, но и в содержательном отношении. В его поэзии говорят друг с другом различные исторические эпохи. Как отмечает исследователь его творчества Маргарита Черненко [1], он смотрит на мир как бы двойным зрением, он видит историю и глазами современника, но в то же время и глазами предка-историка. И такого рода чувство историзма присуще лирическому герою стихотворений Тарковского. Отсюда складывается и его образ пророка и прорицателя:

Я Нестор, летописец мезозоя,
Времен грядущих я Иеремя.
Держа в руках часы и календарь,
Я в будущее втянут, как Россия,
И прошлое кляню, как нищий царь...

(“Посредине мира”, 1958)

А. Тарковский воспринимал понятие “культуры” как ответственность живущих на земле людей за все, что происходит в мире. Сам поэт считал, что поле культуры огромно и на протяжении своего развития оно стало практически бескрайним. Арсений Тарковский говорил, что “мы участвуем в разговоре, начатом во времена Адама. На каждую реплику, звучащую тысячелетия, мы должны дать свой ответ или поставить свои вопросы”.

Такое отношение к культуре, возможно, связано с многонациональными корнями Тарковского. В его роду были и русские, и украинцы, и поляки. Он известен своими космополитическими взглядами.

Так, в статье “Арсений Тарковский и евреи” [2] поэт Михаил Синельников упоминает диалог, который как-то имел место между ним и Тарковским, когда они разговаривали об отношении В.В. Розанова к евреям и антисемитизме. “Видите ли, Сологуб, Ахматова, Заболоцкий любили евреев и не терпели антисемитизма. Цветаева была яростной юдофилкой... Я – тоже. И с антисемитами не поддерживаю отношений”, – сообщил собеседнику Арсений Тарковский.

Также Михаил Синельников пишет, что Тарковский любил читать различные справочники и не раз повторял, что не может жить без двух изданий – энциклопедии Брокгауза и Ефрона и Еврейской энциклопедии.

Получается, что в его творчестве присутствуют параллели “Запад – Восток”. И творчество Тарковского, как отмечает М. Черненко, является как бы сплетением силовых линий, которые соединяют Запад и Восток в их культурном и историческом аспектах.

Западная культура входит в жизнь Тарковского не только через литературу, где особенно он почитает Гете и Шекспира, но и через музыку: он является большим поклонником музыки Иоганна Себастьяна Баха, музыки эпохи барокко. Но также и через живопись. И здесь главным художником для него становится Ван-Гог:

...А эта грубость ангела, с какою
Он свой мазок роднит с моей строкою,
Ведет и вас через его зрачок

Туда, где дышит звездами Ван-Гог.

(“Пускай меня простит
Винсент Ван-Гог...”, 1958)

Культура Востока представлена в его творчестве через художественную литературу, особенно поэзию, огромного географического пространства, начиная от Кавказа и заканчивая Японией.

Он открывает для русскоязычного читателя и арабских поэтов, и поэтов Центральной Азии, и Кавказа. Его оригинальная поэзия также переводится на многие языки – на французский, японский, чешский и т. д.

Его интерес к поэзии Востока обусловлен не только тем, что ему приходилось переводить таких поэтов, как Мухтумкули, Кемине, Важа Пшавела и др. Исследователь А. Урбан отмечает, что интерес к восточной литературе Тарковского связан с проникновением в его собственные стихи ее прекрасного и тревожного мира, поэтических форм и смысловых эмблем и мелодических отношений [3, с. 86–93]. Как отмечает сам поэт, в его оригинальном творчестве духовность русского стиха сочетается с особой метафоричностью восточной поэзии [4].

Поэт не раз признается в том, что к европейской культуре он приобщился через чтение, а к восточной – через свою переводческую деятельность.

И это стремление Арсения Тарковского к познанию всех достояний мировой культуры проявляется и во всем его поэтическом творчестве. Он как бы пытается объединить в своих текстах всю доступную ему культуру, всех выдающихся культурных деятелей, все эпохи. Это можно проследить и по названиям его стихотворений. Здесь и “Сократ”, и “Анжело Секки”, “Феофан Грек” и “Григорий Сковорода”. Здесь и “Греческая кофейня”, и “Дагестан”, “Снежная ночь в Вене”. Здесь “Мщение Ахилла” и “Петровские казни”.

Все это свидетельствует об особом отношении Тарковского к культуре в целом.

Как отмечает М. Черненко, среди целого ряда поэтов, писателей, художников, философов и т. д. Арсений Тарковский с особым трепетом относится к личностям, совершившим подвиг. Он сердцем избирает тех, кто в своем творчестве достигает в нравственной напряженности определенного предела и уровня просветления.

Те, кто не жалея жизни, служили Слову, вызывают восторг Арсения Тарковского:

Вы, жившие на свете до меня,
Моя броня и кровная родня
От Алигьери до Скиаперелли,
Спасибо вам, вы хорошо горели...

(“Вы, жившие на свете до меня...”, 1959)

В этом стихотворении Тарковский предельно ясно выражает свою позицию по отношению к творцам былых времен. Здесь примечательно то, что он их называет “броней” и “родней”, т. е. его

творчество сопричастно с ними, а их Слово защищает его от шелухи и всего лишнего.

А разве я не хорошо горю
И разве равнодушием корю
Вас, для кого я столько жил на свете,
Трава и звезды, бабочки и дети?

И здесь Арсений Тарковский называет адресатов его творчества. И то, что сначала он упоминает “траву и звезды”, т. е. Вселенную, а не, скажем, читательскую аудиторию, говорит о том, что его собственное творчество и культура как таковая предназначена не для развлечения или полезного времяпровождения, а носит сакральный характер. И предназначается она не для интеллектуалов и исследователей, а для непосредственного ее восприятия. Поэтому, на наш взгляд, Тарковский говорит о бабочках и детях – они выступают символами чистоты, красоты и непосредственности.

И поэзия, как никакой другой творческий акт, может объединить времена, эпохи и пространства. Получается, что в поэзии Тарковского существует лишь “настоящее”, которое неразрывно связано с прошлым и будущим, составляет с ними единое целое:

Я человек, я посредине мира,
За мною – мириады инфузорий,
Передо мною мириады звезд
Я между ними лег во весь свой рост –
Два берега связующие море,
Два космоса соединивший мост...

(“Посредине мира”, 1958)

В этом стихотворении поэт раскрывает место человека в мире и указывает на его центральное положение в мире. И это место он занимает не за какие-то биологические преимущества, а за владение Словом, которое и породило такое явление, как культура. Это стихотворение указывает и на вектор развития, которому верен Тарковский. Это уход от биологического и переход в сферу духовного. И средством для этого он избирает культуру, которая служит инструментом, необходимым для перехода из одного состояния в другое.

И для того чтобы понять, как культура совершает работу над эволюцией человека, Тарковский не раз обращается к ее истокам.

Литература

1. Черненко М. О диалоге культур и времен в поэзии Арсения Тарковского / М. Черненко // Русский язык в языковом и культурном пространстве Европы и мира. Варшава, 2012.
2. Синельников М. Арсений Тарковский и евреи / М. Синельников // Лехаим. 2002. № 6.
3. Урбан А. Неделимый мир. Стихи и переводы Арсения Тарковского / А. Урбан. Ашхабад, 1970. № 5.
4. Тарковский А.А. Звезды над Арагацем / А.А. Тарковский. Ереван: Совет. Грох, 1988.